

ПРОЗА американского писателя Джека Лондона, чей полутораковой юбилей мы в эти дни отмечаем (впрочем, начинал он со стихов, которые сейчас представляют интерес разве что из-за литературного имени автора, всё время высказывавшегося в том смысле, что "мог бы стать неплохим поэтом"), — словно увеличительное стекло, которое позволяет не только в мельчайших подробностях разглядеть то, что обычно именуется движениями человеческой души, но и разжечь в ней огонь — огонь воли к жизни, если угодно. "Книги Джека Лондона ...звуют нас в бой против перемалывающей человечество "железной пяты", против "торжествующего свинства" — цитата из одной современной, то есть уже постсоветского периода, отечественной характеристики его творчества. Достаточно сравнить её с закреплённой в американской академической трёхтомной "Литературной истории Соединённых Штатов" оценкой: "Воплощение романтического порыва нового века, мужественный, наивный и плодovitый

состояться (и более того, планировалась ими) в 1906 году в "городе Жёлтого дьявола" Нью-Йорке, но обстоятельства жизни распорядились иным образом. Впрочем, американский писатель на роль "буревестника революции" не претендовал, да и не случилось в США революции — ни при жизни его, ни после смерти. Хотя...

Не исключено (и даже скорее всего), что, доживи создатель "Белого безмолвия" и "Железной пяты" в добром здравии до октября 1917-го, мы получили бы из Америки, помимо "Десяти дней, которые потрясли мир" от Джона Рида, также не менее значимое свидетельство о нашей стране "времени большевиков" за авторством Джека Лондона. Во всяком случае, писатель успел побывать корреспондентом и на русско-японской войне, и на фронтах революции в Мексике — точно так же, как был участником марша безработных на Вашингтон, матросом на рыбачьих, зверобойных и попросту браконьерских судах, золотоискателем на Клондайке, обитателем лондонских трущоб, владельцем "прогрессивного"

"путеводитель по алкоголизму" в повести "Джон Ячменное Зерно", согласно общественному мнению, ставшей одним из аргументов в пользу введения в США "сухого закона". Такое разнообразие, многомерность и "всеядность" Джека Лондона описались не только на его богатый жизненный опыт, но и на обширные знания, полученные благодаря неперестанному самообразованию — систематических знаний ему получить не удалось даже в объёме средней школы, хотя затем он в 1896 году смог сдать экзамены и поступить в Калифорнийский университет, но по причине тяжёлого материального положения прouchился там меньше трёх месяцев и в 1897 году отправился искать золото на Аляску, где, собственно, и нашёл наконец-то свою литературную "жар-птицу".

Утратил ли "поздний", уже потерявший здоровье на своём жизненном пути, разочаровавшийся после "Железной пяты" и "Мартина Идена" в попытках делом и словом, в одиночку или вместе с социалистической партией изменить мир, успеш-

ти, где он помогает второй жене, сначала — своему литературному секретарю Шармейн Киттридж (была старше него на четыре года, прожили вместе 11 лет) сесть в седло, занимается хозяйством, кормит свиней, чистит лошадь, улыбается, машет рукой — всё вокруг выглядит более чем ухожено, а сам хозяин — активным и вполне довольным жизнью, точку в которой вскоре поставит передозировка морфия от уремии, случайная или преднамеренная, уже неважно. Сейчас его Дом Волка, он же ранчо "Красота", на восточном склоне горы Сонома к северу от Сан-Франциско известен как Государственный исторический парк Джека Лондона, пресловутая "культура отмены" его, к счастью, задеть не успела.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Джека Лондона полюбили в нашей стране ещё до революции: впервые на русский язык они были переведены в 1905 году (повести "Зов предков" и "Белый клык"), а уже в 1910 году в издательстве "Атенеум" был начат выпуск собрания его сочинений (к 1918 году вышло 22 тома). В СССР же он вообще стал одним из самых популярных зарубежных авторов: за 1918–1986 годы книжная статистика насчитала 956 изданий его произведений общим тиражом 77,2 млн экземпляров, конкуренцию составляли только сказки Ганса Христиана Андерсена (всего 515 изданий, зато тиражом 97,1 млн экземпляров). Ну и кинофильм "Сердца трёх" по его одноимённому роману считается последним фильмом, снятым в СССР.

ИЗ АЛЯСКИ С ЛЮБОВЬЮ

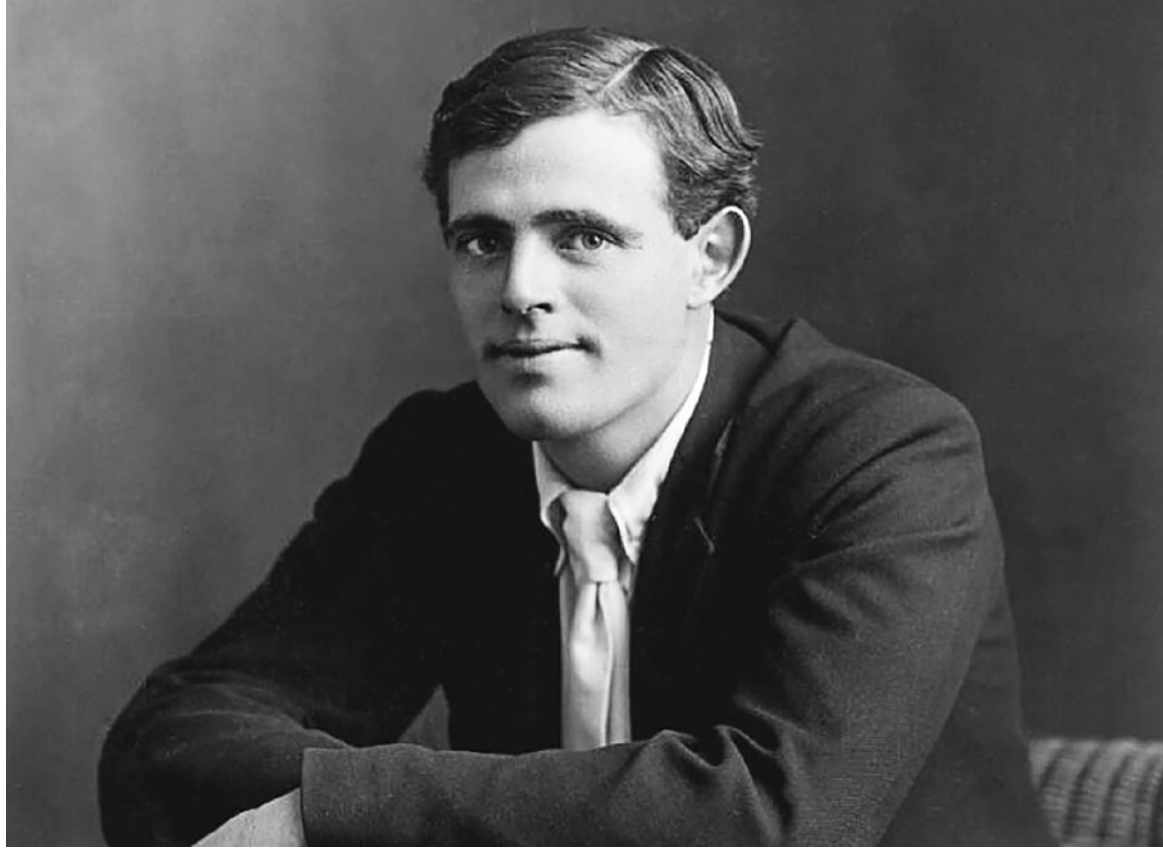
К 150-летию Джека Лондона

Джек Лондон поставлял журналам обильное чтение, но лишь небольшое число его произведений заслуживает, благодаря своей искренности и живости, быть спасёнными от забвения, на которое они были, казалось, обречены из-за художественного несовершенства", чтобы ощутить разницу между культурными приоритетами цели и результата, то есть тем, "для чего" всё пишется, и тем, "что" или тем более "как" оно пишется (пусть даже сам писатель отмечал: "Всё горе в том, что из слов никогда нельзя узнать точно, для чего они сказаны").

В отечественной традиции первое куда важнее второго, а вот для традиции американской и вообще западной — напротив. Поскольку Джек Лондон целиком и полностью принадлежит культуре западной, его творчество бесконечно далеко от мучившего героев Достоевского вопроса: "Тварь я дрожащая или право имею?" Этот вопрос у него изначально решён уже самим фактом собственного существования: "Тварь я дрожащая, а потому право имею", или, как сказано в романе "Мартин Иден": "Кто не стремится жить, тот на пути к концу". А в русской литературе, на чём сходится подавляющее большинство исследователей, ему ближе иные авторы, прежде всего Максим Горький, с которым у Джека Лондона множество жизненных (включая социально-политические) и творческих пересечений. Так, в рецензии на горьковского "Фому Гордеева" Лондон писал: "Из-под его жестокого пера выходят не лёгкие, приятные и очаровательные романы, а живая действительность — широкая, грубая, отвратительная действительность... Его реализм более действителен, чем реализм Толстого или Тургенева". Оценки Горького, пережившего своего младшего современника почти на два десятилетия, были взаимно комплиментарны: "Джек Лондон — писатель, который хорошо видел, глубоко чувствовал творческую *силу воли* и умел изображать волевых людей". Оба они в своих поисках сильного и свободного героя, способного изменить свою жизнь и жизнь других, не прошли мимо популярных в то время концепций "сверхчеловека" как воплощения лучших человеческих свойств, вершины биологической эволюции. Горьковская фраза: "Человек — это звучит гордо" вполне созвучна размышлениям Джека Лондона, согласно которым человек — лучшее, что создала природа: "Человек не похож на других животных, потому что взор его устремлён к звёздам..." Личная встреча этих писателей могла

ранчо и т. д., а, например, о том, приходилось ли ему самому выходить на боксёрский ринг, у биографов до сих пор можно встретить разночтения. Словом, везде, где человеку приходится противостоять другим людям или, уже вместе с ними, по жизненной необходимости — другим человеческим сообществам или природе с её стихиями, Джек Лондон (имя при рождении — Джон Гриффит Чейни) стремился не только описывать такие конфликты как художник, но и разбираться в их причинах как философ и, самое важное, непосредственно участвовать в них, "лезть в самую гущу событий", тем самым, по сути, переживая предельную, максимальную полноту бытия, как будто утоляя собственную "тоску по бессмертию, — тщетное стремление пленённой (кем, где и когда? — Авт.) материи". Про него нельзя сказать как про одного из персонажей романа "Морской волк" по прозвищу Смерть Ларсен, "слишком занят жизнью, чтобы думать о ней". Собственно, такая уникальная "полнота бытия" во многом и по сию пору выделяет творчество этого писателя в американской и мировой литературе как особый феномен.

ЗА СОРОК лет своей жизни и более двадцати лет активности в качестве автора (а выступать в печати Джек Лондон начал уже с неполных восемнадцати, его первая публикация, очерк "Тайфун у берегов Японии", появилась в газете "Сан-Франциско Колл" 12 ноября 1893 г.) он выпустил в свет около пяти десятков книг (иногда в соавторстве). Причём свести их к какому-то определённому кругу тем не представляется возможным, настолько они разнообразны, а порой более чем неожиданны, причём с явным опережением времени. И это касается не только "Железной пяты", которая считается первой антиутопией, предвосхитившей появление фашизма. Например, роман "Алая чума" (с явными аллюзиями на поэму "Вино волшебства" его близкого друга и одного из учредителей небезызвестного среди конспирологов Богемского клуба Джорджа Стерлинга, послужившего прототипом образа Расса Бриссендена в романе "Мартин Иден") получил новую актуальность и вторую жизнь на фоне коронавирусной пандемии 2020–2021 годов. Или "Смирительная рубашка" ("Межзвёздный скиталец"), где описаны "путешествия бессмертной души человека по своим прошлым жизням", вызванные его тюремными пытками в жизни описываемой, "очередной"; или

ный писатель Джек Лондон эту "жар-птицу" с её искрами и "драйвом" жажды жизни, сосредоточившись на сборе и продаже "золотых яиц" от неё, как считает немалая часть его читателей, приводя такие, например, сентенции его героев: "С точки зрения спроса и предложения жизнь — самая дешёвая вещь на свете... Жизнь не имеет никакой цены, кроме той, какую она сама себе придаёт. И конечно, она себя переоценивает, так как неизбежно пристрастна к себе"? Или он всячески пытался двигаться дальше, подыскивая для этого новые возможности и цели? Существуют почти две минуты немой киносъёмки сцены на его калифорнийском ранчо, снятые за три дня до смер-

Популярные утверждения о том, что "мир, этика и пафос Джека Лондона были близки и созвучны сразу нескольким поколениям наших соотечественников", похоже, соответствуют действительности или, во всяком случае, не сильно отклоняются от истины. Но, конечно, основой такого созвучия в его творчестве была любовь: "Мы сражаемся, как надлежит, умираем, как надлежит, и живём, как надлежит, во имя того, что мы любим". А по-другому не получается. То есть получается, но не так, как надлежит. У Джека Лондона кое-что получилось по-настоящему. И получается даже до сих пор.

Георгий СУДОВЦЕВ

БАЙК-ЦЕНТР "Ночных волков" проводит несколько разных шоу в разные времена года, и их новогодняя сказка просто покорила. Сказка не только для детей, но и для взрослых, в стиле тумана под Покровском с нашими бойцами и сказочными образами.

В байк-центре места для зрителей расположены вплотную к самому действу. Когда мимо проползает американская змея, она почти перед тобой — со всей своей адской чешуей и пламенем. Как военная техника стран НАТО, искорёженная нашими прилётами, выставленная на Поклонной горе, но только в движении. Когда наступает время факельного шоу с огнём — оно греет на морозе, как костёр в зимнем лесу. Напоминает строчки Кинчева из песни "Небо славы": "Стужу держит в узде дым деревень". Когда байкеры показывают мотоакробатику — до них буквально десять метров! Что-то сопоставимое по силе впечатлений было со мной однажды в Марининском театре, когда волею случая удалось попасть в бельэтаж на первые места у сцены. Было это во вторую волну ковида, с большими ограничениями, туристов было мало, и театр был пустой на три четверти, потому и с местами повезло. Ощущение причастности происходящему на сцене было полнейшим: прямо перед тобой чуть ниже — опера, ещё чуть ниже — оркестровая яма.

В ходе шоу "Ночных волков" сначала — наше веселье, пляски, скоморохи, обособленность байкеров и Иванушки на печи, а также Бабы-яги с её сказочны-

ШОУ В МНЁВНИКАХ

Зимняя сказка «Ночных волков»

ми подручными. Не просто веселье, а огненное шоу с жонглёрами с их огненными булавами, цепи с фитилями, с огнемётими-пожарными, пиротехникой. Затем появляется шут кровопролитник или кровавый клоун — лицедей в полосатых штанах, и чуть погодя — купивший его заокеанский хозяин. Клоун сидит на золотом унитазе и мечтает въехать в Кремль, с ненавистью к людям, промышляя злом годами. Они олицетворяют адское зло, для лучшего эффекта — на огромной змее-искусительнице, буквально пышущей огнём. Заокеанский хозяин в костюме дядюшки Сэма, на огромном вампирском трайке с пачкой баков, предлагает купить ваши души, и не где-то на далёкой сцене в огромном зале, а прямо перед зрителями, с ощущением жара змеи.

Русская сказочная печь с Иванушкой вступает в смертельную схватку с печью крематория, что выезжает из-под Вавилона с символикой НАТО "на борту" — вновь и буквально с огнём. Сверху нависает голова "Статуи свободы", но только не в виде лика красивой девушки, а в виде черепа, с огнём из глазниц и промеж лучей короны. Противостоит этому дышащему срадом крематорию и адскому черепу птица Феникс — как об-

раз нашей страны и нашей судьбы. Птица Феникс — не просто маленький дрон-бабочка или стрекоза, а большая установка на тракторе или погрузчике, буквально в огне.

Огромные установки из металла наших сказочных персонажей и не наших — на основах автомашин и на мотоциклах. Как наши танки Т-72 под Авдосом (Авдеевкой), мастерски переделанные нашими "гаражниками", с многосенными обвесами против дронов, против мин, с маскировкой. Ещё наш легкой "автохлам" по типу шахид-мобилей со срезанными крышами, но умением наших военмехов вывозящий передок по снабжению и ротации.

НА ФОНЕ БОРЬБЫ инсталляции печи с Иванушкой против крематория с дядей Сэмом наша история представлена как огромное колесо (может, аллегория с двумя стрелками циферблата часов). "Русская история бессмертна, она движется по таинственной синусоиде, то достигая расцвета и небывалых высот, то срываясь в пропасть, чтобы потом, подобно птице Феникс, восстать из праха, взлететь к небесам".

Часы — два вращающихся вокруг оси колеса в полтора че-

ловческих роста каждое. Внутри одного бежит Иванушка, до того лежавший на печи, поверх другого — один из богатырей. Часы и колёса крутятся, общая высота инсталляции — метров десять, артисты выступают без страховки, особо рискованно — тот, что бежит снаружи крутящегося колеса.

Баба-яга, бывшая сначала отрицательным персонажем, призывает богатырей объединиться против ада-крематория как общей угрозы, даёт в помощь богатырям волков. Так разные слои нашего общества объединяются против общего врага — крематория НАТО. Так бойцы отрядов Шторм-Z в самых опасных штурмах искупают свои грехи перед обществом и получают новую биографию.

Байкеры в волчьих шкурах показывают чудеса мотоакробатики, перелетая с одного трамплина на другой. Особо впечатляет именно образ волков на фоне всплешек живого огня и бьющих молний. Так наши бойцы стремятся выдвигаются в штурма на мотоциклах, чтобы миновать прилёты мин и уйти от дронов.

Звучат аллегории о судьбе нашей страны и нашей истории, о нашей всемирной роли хранителя равновесия мира, чтобы мир не рухнул в алчущее заокеанского хозяина, готового ради наживы погубить планету, загнать всех в крематорий.

Равнодушных после шоу не было, впечатлённых образами — множество. Поначалу пара молодых соседок посудачила, отшатнувшись от образов дяди Сэма и черепа "Статуи свободы", но в конце шоу они пошли фотографироваться с его участниками и на фоне этих инсталляций.

ОЧЕНЬ ПОЛЕЗНО привести на это шоу видных зарубежных политиков, чтобы они ощутили атмосферу самого шоу и изменение в наших зрителях. Неплохо бы и американскому послу посмотреть на современную версию борьбы добра и зла.

В конце шоу Александр Хирург благодарит Александра Проханова — автора слов, лежащих в основе аллегорий

сказочного шоу. Появляется инсталляция Изборского холма, у подножия которого год назад "Ночные волки" провели своё вдохновенное байк-шоу.

Сегодня слова, обрамлённые металлом огромных сказочных инсталляций, буквально огнём резонируют в сознании.

В почти финальной фразе Хирург говорит, что своими сказочными машинами, ревушками, летающими к звёздам мотоциклами они стараются достучаться до детей. И им это удаётся. Шоу нужно показывать по телевидению и обеспечить ему международное внимание. Хотя телекартинка не заменит ощущения сопричастности непосредственно в байк-центре "Ночных волков".

Всё это замыслено и сделано простыми русскими мужиками, из глубин народных, не политтехнологами и не профессиональными театрами.

Федеральным каналам и политикам на заметку, точнее даже — как тест на сопричастность.

Геннадий ШАНГИН

